

**МИФОЛОГИЧЕСКИЙ МОТИВ “ПОДКИДЫША РЕБЕНКА”
В ПОЭМЕ “РИСАЛЕИ-НЕСИМИ” (“СКАЗАНИЕ О НЕСИМИ”)
ТУРКМЕНСКОГО ПОЭТА НУРМУХАММЕДА АНДАЛИБА**

Açar sözlər: ədəbi yaradıcılıq, poema, epik ənənə, mifoloji motiv, “atılmış körpə” motivi

Key words: literary activities, poem, epic tradition, mythological motives, the motif of “abandoned baby”

Ключевые слова: литературное творчество, поэма, эпическая традиция, мифологический мотив, мотив “подкидыша”

Историко-биографическая поэма “Рисалеи-Несими” (“Сказание о Несими”) видного представителя туркменской классической литературы, величайшего поэта – мыслителя XVII-XVIII веков, Нурмухаммеда Андалиба (1660-1740) посвящена самому трагическому и загадочному поэту Востока и тюркского мира Имадеддину Несими (1370-1417) и его мученической смерти [1, с.59-68]. Великолепная поэма “Сказание о Несими”, созданная великим мастером слова, по праву входит в число шедевров мировой литературы и является одной из поэм, посвященных великому Несими туркменскими поэтами. Едва ли в туркменской поэзии за все время её существования найдется подобный памятник, столь органично и в столь большом объеме включающий отрывки текста самого Несими так, как это сделано в “Сказании о Несими” её создателем с использованием мифологических мотивов и фольклорных преданий.

Поэма, написанная в XVIII веке, занимает особое место в литературно-культурном контексте нашей эпохи. Она и поныне пользуется колоссальной популярностью и стала одним из самых известных и читаемых сочинений не только в тюркском мире и Востоке, но и на Западе. Она переведена и издана на языках тюркских народов, некоторых языках народов мира и на русском языке. В последние несколько лет интерес к поэме возрос: поэма стала объектом пристального изучения исследователей и литературоведов; о ней написано много статей и защищены диссертаций. Однако аналитических работ появилось немного. Насколько нам известно, нет специальных работ, в которых бы рассматривалась роль фольклорно-мифологических мотивов в художественном мире поэмы Андалиба. И поэтика поэмы, глубокая мифологичность в связях её с традициями общетюркского фольклора до конца не изучены. В нашей статье мы предпримем попытку реконструировать мифопоэтическую систему поэмы, особенно проанализировать индивидуально мифологический мотив “подкидыш ребёнка”, показать архетипы данных мифологических мотивов в мировой эпической традиции и выявить источники фольклорного материала, который Андалиб поместил в той части своей поэмы, где описывается чудесно детская биография Несими.

Нурмухаммед Андалиб написал свою поэму, используя исторические факты, основанные на биографии Несими. Кроме этого автор использовал разнообразные источники: устные рассказы, легенды, предания о поэте, еще бытовавших в устной форме среди туркменов в

* Институт Литературы им. Низами Гянджеви. Доктор философии по филологии. E-mail: iosmanli@mail.ru

XVIII века. Одной из характерных особенностей поэмы “Рисалеи-Несими” является существование в ней и фольклорно-мифологических мотивов, которые придают его повествованию соответствующую окраску. Отмечая эти характерные особенности поэмы Нурмухаммеда Андалиба, известный туркменский ученый современности профессор Аннагурбан Аширов написал так: “Когда речь заходит о поэмах Андалиба, прежде всего необходимо отметить идентичность их содержания с сюжетом легенд” [2, с.21]. Это явление мы наблюдаем и в поэме “Рисалеи-Несими” поэта. В ней сочетаются два разных принципа поэтического описания – рациональный и мифологический. Рациональный основывается на исторических фактах, которыми являются биография самого героя поэмы – Имадеддина Несими. Мифологический основывается на сведениях о далеком прошлом, почерпнутых из устной и фольклорной традиций.

В творчестве Нурмухаммеда Андалиба мотивы и образы фольклора тюркских народов, в частности родного туркменского, значительны и многообразны. Такое явление мы наблюдаем и в поэме “Рисалеи-Несими.” Наряду с историческими фактами, в основу ее легли мифологически-фольклорные материалы. Поэтому поэма “Сказание о Несими” автора является продуктом синтеза фольклорно-мифологических и исторических элементов, хронологически охватывающих жизнь Несими от его появления на свет и до его смерти.

Основные действующие образы в поэме два исторических мученика, подверженные страшной каре за свои пантеистические идеи – Мансур Халлач, который был обвинен в ереси и 26 марта 922 г. был сожжен на костре, и верный приверженец идей Мансура Имадеддин Несими, который в 1417 г. был подвержен мучительной смерти.

Мифологическая часть поэмы начинается с непорочного зачатия матери Несими. Она была чудесно зачата. Этот мотив, являющийся завязкой действия, сообщает о чудесных обстоятельствах, при которых родился герой. Это событие Андалибом описывается так: “В городе Мисир проживает Мансур. У него имеется сестра по имени Энел. Спустя некоторое время среди народа распространяются разного рода сплетни. Мансур спорит с муллами и утверждает, что “Энел-хак” (то есть “Энел-права”). Муллы отправляются к шаху и, опорочив Мансура, требуют казнить его. Мансур не отрекается от избранного пути. Тогда его вешают, забрасывают камнями, однако камни не ранят его. Только камень, брошенный шейхом Мисира – Зуннуном наносит рану. В конце, чтобы поставить другим в пример, сжигают его на костре. По совету Мансура, Зуннун берет с собой одну ладонь пепла Мансура. В это время поднимается гроза, и паводок заливает город Мисир. Как только Зуннун выбрасывает пепел в воду, паводок отходит и пепельная вода, выговаривая “Энел-хак” направляется к садику шаха Халеба. Выпившая этой пенистой воды, дочь шаха чудесным образом беременеет. Это обстоятельство, становится причиной разного рода сплетен. Сначала шах Халеба и его жена хотят убить дочь, однако передумывают, и падишах, стыдясь пересудов народа, утром призывает мастера и приказывает изготовить большой сундук.

*Сделал мастер сундук и смолой покрыл,
Чтоб не видел никто, пологом укрыл.*

*Был большим тот сундук султану в угоду,
Положили в него и еду, и воду.*

*Принеся к самой реке большой сундук сей,
Попрощались мать-отец с дочерью своей.*

*Вверив дочку небесам – Аллаху, – ох и ах! –
Сами же отец и мать остались в слезах.*

*Бросили сундук в реку, словно в бездонное море,
И так, обрушилось на всех тягостное горе [3, с.115].*

На пути сундука, плывущего по течению реки в сторону Багдада, встречается рыбак и вытаскивает его из реки. У царевны в сундуке рождается сын. Рыбак приводит их домой и называет мальчика Несебом. Одновременно рождается и собственный сын у рыбака. Ему дают имя Эмир. Несими и Эмир растут вместе и ходят вместе в школу. Мулла, который учит их, Несеба называет “Несими” [3, с.116-117, 123].

На наш взгляд, в этой части сюжета прослеживается фрагмент более древнего мифологического сюжета, а именно: мотив чудесного ребёнка-подкидыша, который был распространён в более широкую географию. Эпизод с Несими, пущенным в сундуке по реке, имеет глубокие мифологические корни и бесчисленные параллели в сказаниях многих народов. В древних эпических и фольклорных традициях “подкидыш ребёнка” является одним из самых распространённых мифологических мотивов. В дошедших до наших дней древнейших письменных памятниках известны многие случаи, где детская биография многих известных исторических лиц связана с мотивами “подкидыше ребёнка”. Большинство этих мотивов имеют дохристианское, и в основном, переднеазиатское происхождение. С другой стороны, в мифах встречается один и тот же сюжет о подкидыше, выловленном из реки.

Так, из реки выловлен легендарный аккадский царь Саргон (Шаррукен, Шаррукин, Шуррукин), библейский Моисей и индийский Карна. Древнейший из этих мотивов связан с жизнью реального царя (24 в. до н.э.), основателя обширной державы в Двуречье с центром в Аккаде, героя шумерской и аккадской легенд Саргон (правил в 2334-2279 гг. до. н.э.). Согласно аккадской легенды, мать Саргона (предполагают, что она была жрицей, которой не разрешалось иметь детей) тайно родила его, и положив новорождённого в просмолённую тростниковую корзину, пустила по реке Евфрат. Водонос Акки выловил корзину и воспитал ребёнка [4, с.409-410; 5, с.474].

Сам Саргон рассказывает о своём младенчестве, так:

*“Понесла меня мать моя, жрица,
родила меня втайне.
Положила в тростниковый ящик,
вход мой закрыла смолою,
Бросила в реку, что меня не затопила.
Подняла река, понесла меня к Акки, водоносу.
Акки, водонос, багром меня поднял,
Акки, водонос, воспитал меня, как сына” [6, с.297].*

Типологически схожий сюжет с историей Саргона, перекликается с историческими событиями, отражёнными в древних легендах семитского происхождения о чудесном спасении будущего вождя или владыки в корзине из реки – Моисея у древних евреев (примерно XIV до н.э.). Только разница в том, что мать Моисея не бросила его в реку.

Согласно библейскому повествованию детская биография Моисея начинается так: “Жена зачала и родила сына, и видя, что он очень красив, скрывала его три месяца; но не могли долее скрывать его, взяла корзину из тростника и осмолила её асфальтом и смолою и, положив в неё младенца, поставила в тростнике у берега реки...” (Исх. 2, 2-3).

Сходный мифологический сюжет о подброшенном младенце, пущенном плыть по реке, нашёл своё отражение и в древнеиндийском эпосе “Махабхарата”. Герой “Махабхараты” Карна, рожденный Кунти от бога Сурьи, тоже был брошен в воду, но спасен возникшим Адхиратхой и его женой Радхой, которых он почитал своими родителями [7, с.217]. Там описывается, что “Едва произведя младенца на свет, прекрасная (Кунти) по совету кормилицы по-

местила его в просторную и удобную корзину, мягко выстланную покрывалами и политую снаружи воском, и, обливаясь слезами, опустила (эту корзину) в (воды реки) Ашванади. И хотя она знала..., что деве не подобает иметь ребёнка, она жестоко страдала, успев полюбить своего сына” [8, с.19].

Происхождение этого фольклорного сюжета, учитывая временной и пространственный размах его бытования, является достаточно древним явлением [7, с.217-218]. Сказание о чудесном ребёнке-подкидыше также вошло в поэтическую традицию тюркских народов до Андалиба.

Нурмухаммед Андалиб был образованным человеком своего времени; он хорошо знал фольклор и мифологию Востока и в частности тюркских народов. Он часто использовал их в своих произведениях. Как видно из содержания поэм, он был знаком и с этим известным фольклорным сюжетом, и поместил в своей поэме небольшой фрагмент из него.

В фольклорных традициях тюркских народов известны несколько вариантов данного предания. Однако, на какую фольклорную традицию опирался поэт и из какого источника заимствовал этот фрагмент – сейчас сказать трудно, так как у поэта нет упоминания об использованных источниках. Да и для нашей темы этот вопрос не является важным, а степень использования Андалибом устных рассказов и литературных традиций выходит за рамки нашей темы. В связи с этим мы покажем несколько вариантов этих преданий.

Башкирская версия этого мифа: “В очень давние времена, в некоем городе Макине у Белого [Аральского] моря жил хан, у которого была красавица дочь Кулямялек-Курклык. Отец спрятал её от посторонних глаз в темнице, где она забеременела от солнечных лучей. Тогда рассерженный хан посадил её в серебряную лодку, которая затерялась в Аральском море. Лодку увидели деды бурзян и тангауров и еще с берега поделили между собой добычу: лодка достанется бурзянскому батыру, а то, что в лодке, – тангаурскому. Выловив лодку, батыры увидели в ней ханскую дочь. Батыр тангауров женился на красавице и от них пошло племя тангауров” [9, с.129].

Аналогичный сюжет записал великий русский тюрколог, знаток и собиратель фольклора тюркских народов В.В.Радлов у киргизов. Этот миф связан с рождением Чингис-хана. “У хана Алтын – Бея родилась дочка, прекрасная, как луна, прелестная, как солнце. Он приказал не показывать её людям, запер её в подземелье со старухой-прислужницей. Девочка выросла и однажды спросила старуху, куда она уходит. Та ответила ей, что есть белый свет, где живут её отец и мать. Девушка попросила взять её с собой, обещав старухе никому об этом не говорить. Но, когда она вышла на свет, она потеряла сознание и зачала. Хан приказал убить дочь, но ханша велела соорудить золотой ящик, посадила туда дочь и пустила в море. Дамгагул Сакур и Токтогул-Мерген (охотник) увидели плавающий в море ящик. Мерген привязал к стреле шелковую веревку, выстрелил в ящик и вытащил его на берег. Из ящика вышла девица красивее полной луны. Мужчины упали в обморок, пораженные ее красотой. Токтогул-Мерген взял её себе в жены, она родила сына, которого называли Шингис” [10, с.13].

Сходный сюжет записан у казахов Г.Н.Потаниным – знатоком казахского языка, известным исследователем культуры народов Сибири и Казахстана. Его рассказ почти идентичен с предыдущими, только с разницей в том, что в нем не упомянуто имя девочки и её отец казахский хан. В этом предании она также достанется Домбаулы. О причине своей беременности она ему рассказала, что “хотя и беременна, однако забеременела от солнечных лучей, что мужа она не знала. Потом у нее родился ребёнок Чин-кыз-хан (“шын-кыз-хан”), т.е. рожденный от истинной (непорочной) девицы. Чин (“шын”) значит “истинный”: кыз – “девица”. Он потом сделался ханом...” [11, с.47].

В этом же труде Потанин Г.Н. разместил еще один рассказ о Чингиз-хане по “Чингизнаме”. Он является другим вариантом этих преданий, однако, здесь она родила не Тангри-

бергена (Богом данный), а от него родился Чингис-хан. И “оттого, что мать Тангри-бергена, отца Чингиса, зачала от света или луча, о Чингисе говорят: Дуин-баян-Шынгис-кан, наслыш нурдан джаралган, “Дуин-Баян-Чингис-хан! Твой род сотворен от света” [11, с.49-50].

В прошлые века широкое распространение среди башкир и татар получило сочинение неизвестного автора “Чингиз-наме” (или “Дафтар-и Чингиз-наме”), первоначальный вариант, которого был написан предположительно в конце XVI – начале XVII веков и дошел до наших дней через рукописные переводы и публикации В.А.Панова. Самое полное описание этого предания мы встречаем именно в этой “Чингиз-наме” – “Сказание о Чингис-хане”. В связи с тем, что это издание стало редкостью и не доступно каждому, мы даем полный текст этого предания. В нем этот сюжет описывается так: “На острове Белого моря стоял город Малтаб, правил им Алтан-хан; была у него жена Курляуш, которая родила ему дочь, названную Гулямалик-Курукти. Дочь хана жила в сорокасаженном дворце, таком темном-претемном, что ни солнце, ни месяц туда никогда своим светом не заглядывали. Гулямалик была писаная красавица... К ней были приставлены подружки-прислужницы, из них самую близкую звали Уртхан.

Однажды, когда Гулямалик была уже в совершенных летах, попросила она Уртхан:

– Выведи меня, Уртхан, из моего дворца! Что это за мир Аллахов: похож ли он на этот дворец, или он – что-нибудь другое?

– Мир снаружи, отметила Уртхан, широкое большое пространство, и ходят там солнце и месяц попеременно и его освещают.

– Покажи мне мир Аллаха! – сказала дочь хана.

– Если увидишь, можешь умереть, – отвечала Уртхан.

– Даже если умру, хочу все увидеть, – не испугалась дочь хана.

Отворила окно Уртхан; в темную комнату проникли лучи солнца, Гулямалик упала без чувств. Перепугались подружки – прислужницы, горько плакали и говорили друг другу:

– Что же теперь мы скажем хану?

Только через час пришла в себя дочь хана. Страшно обрадовались этому ее подружки-прислужницы и стали приставать, расспрашивать, что она видела. Гулямалик молвила в ответ:

– От увиденного света солнечного зародилось у меня дитя. Что же вы теперь скажете моим родителям?

Очень любил свою дочь Алтын-хан и время от времени навещал свою любимицу. Пришел он однажды к ней и увидел, что Гулямалик готовится стать матерью.

– От чего у тебя на лице появились “матежи”? – спросил он. – Какая беда случилась!

С печальными думами вернулся он домой, обо всем рассказал жене и молвил:

– Ах, Курляуш, со дня нашего супружества не было еще у нас такого стыда: какая беда случилась с дочерью! Ну, что нам теперь делать?

– За здешнего человека не выдашь её замуж, будет много разговоров и дурных догадок: люди все равно, что дьяволы... Давай лучше пойдем на хитрость, пустим ее в корабле по морю! “– ответила Курляуш.

Сказано – сделано. Снарядили корабль, наполнили его золотом-серебром, многими яствами, посадили в него дочь и сорок её подружек-прислужниц, поставили светильники с сизыми голубками и попугаями, и пустили корабль в море ночью, пожелав ему встретиться со счастьем!

Прошло несколько дней. В это время сын Турумтай-Шешеня, Тумакул-Мерген, охотился вдали от своего дома с сорока сверстниками и одним караульщиком, Шаба-Сокуром, прозванным так потому, что у него был только один глаз. Он-то и сказал Тумакул-Мергену:

– Там вдали что-то чернеет...

– Что такое? – спрашивает Тумакул.

– Какой-то золотой корабль, сейчас трудно разобрать, завтра к обеду он придет сюда, – ответил Шаба-Сокур. Так и вышло: на завтра, ровно к обеду, корабль подошел к берегу. Оказался он золотым, и не было у него входа-выхода, так что не знали охотники, как войти в него.

Выручил Шаба-Сокур.

– Эй, Тумакул-Мерген, стреляй в корабль! – молвил он.

– Как стрелять? Прямо или вкось? – спросил Тумакул.

– Если будешь стрелять прямо, можешь убить того, кто внутри корабля, стреляй лучше вдоль корабля – молвил Шаба-Сокур, родом туркмен.

– Хорошо, в таком случае я выстрелю из лука вдоль борта, – сказал Тумакул и выстрелил.

Три доски от удара стрелы отскочили. В дыру вышла писаная красавица Гулямалик-Курукти с сорока подружками-прислужницами, голубками и попугаями, всех их взял себе Тумакул, а корабль достался Шаба-Сокуру.

Красавица Гулямалик сказала Тумакулу:

– Теперь я навсегда твоя, но сейчас ты не касайся меня, потому что у меня дитя зародилось и не от человека, а от солнца.

Тумакул не обратил внимания на ее слова.

– Мне это все равно, – молвил он.

– Я была как сокол на небе и села на твое дерево; ты – герой, и я не буду тебе перечить, только исполни мое заветное желание, – сказала Гулямалик.

– Хорошо, будет сделано по-твоему, – ответил Тумакул.

В тот же вечер они поставили шатер.

– Теперь я вижу, что у тебя дитя зародилось от солнца, иначе ты не была бы девицей, – сказал Тумакул, и стала Гулямалик ему еще милее.

– Ты, быть может, не поверишь, что я не знала ни одного мужчины в жизни? – спросила Гулямалик.

– У тебя дитя зародилось и вместе с тем ты – девица; такое может выпасть на долю лишь особенному счастливцу, и такую девицу я везде искал, – сказал Тумакул.

– Цени меня, – промолвила Гулямалик.

Долго ли, коротко ли, явился на свет Аллахов ребенок, называли его Тангри-Бергенем-Дуюн-Баяном” [12, с.471-475].

Привлекает внимание сходство, приведенное в предании и сюжет Андалиба. Вместе с тем, есть и отклонения: если в преданиях Гулямалик зачала от солнца, то в поэме Андалиба, мать Несими зачала от пены воды. Однако, среди тюркских народов был широко распространен пример чудесного зачатия от пены. В одном из вариантов предания о происхождении киргизов рассказывается, о том, что считавшиеся родоначальницами 30 девушек, забеременели от пены и родили в горах сыновей [13, с.287]. В другом предании рассказывается, о том, что “после того, как дочь царя *надша*, съевшая яблоко, плававшее в хаузе (авыз), забеременела, ее по приказу отца, с 40 девушками-служанками отправили в необитаемое место. Там она родила сына, а у одной из служанок родилась дочь” [13, с.288]. В более раннем варианте этого предания говорится, что 40 служанок ханской дочери забеременели от пены [13, с.289].

Следовательно, Нурмухаммед Андалиб был знаком с каким-то источником, содержащим эти древнее предание, но своим пером подверг его редакции.

Интерес представляет следующий факт: почему Андалиб выбрал главным сюжетом легенду о чудесном рождении Несими, когда как уже упоминалось, что он является исторической личностью и имеет легитимного земного отца. Думается, Андалиб исходил из тяжелой судьбы героя поэмы – Несими. По замыслу автора, не каждый смертный может нести такую

тяжелую кару, которую нёс Несими. Такие люди должны родиться чудесным образом. И поэтому, внесенное в поэму девственное рождение, брошенный в реку младенец, а затем спасённый, являются сюжетными элементами поэмы и служат для идеализации самого Несими. Как известно, чудесное зачатие, рождение героя и его чудесное детство, несмотря на свое древнее происхождение, являются началом мифологической биографии героя, позднейшим поэтическим вымыслом и “слагаются на основе фольклорных мотивов, имеющих широкое международное распространение, служат средством позднейшей эпической идеализации образа народного героя” [14, с.132]. Модель чудесного рождения будущего героя имеет мифологический характер и, как очень важный элемент, имеет широкое распространение в эпическом творчестве культурных народов мира. Создатели эпоса и других художественных произведений используют ее в том случае, когда необходимо подчеркнуть необыкновенность и исключительность героя, обосновать его будущие подвиги, совершение которых непосильно простому человеку. “Это одна из форм проявления героя, с включением ее в начальную ситуацию”, – говорит один известный русский ученый В.Я.Пропп [15, с.77]. Невроятное рождение – это просто способ отметить исключительную благосклонность.

Мотивы чудесного зачатия и рождения будущего героя выполняют функцию завязки и служат прологом к основной части биографии культурного героя. Как архаические мотивы, они сосредоточены больше всего в начальной части повествования мифологической биографии героя. Идеализация главного героя начинается с описания данного мотива. Мотив чудесного рождения характерен вообще для героев эпоса: в народном представлении чудесные обстоятельства рождения являются предзнаменованием будущей славы героя. “Народное воображение в своем стремлении к идеализации образа эпического героя охотно пользовалось для этой цели традиционным сказочным мотивом такого чудесного рождения”, – отмечает В.М.Жирмунский [14, с.111].

Андалиб, автор поэмы “Сказание о Несими”, сознательно включил в свою поэму мотив чудесного рождения своего героя, его “подкидыша” и, исходя из этих мотивов, очень мастерски, с большой точностью, составил композицию поэмы. Так, к чудесному рождению эпического героя, особенно к его “подкидышу” относятся необыкновенные способности – исключительность и избранничество, его пророчества и предзнаменования. Он отличается от других эпических героев такими критериями. Такими свойствами обладает и Несими. Он заранее знает предшествующие события в своей биографии, а именно, знает свою собственную долю, знает, как закончится его судьба – точное время и обстоятельства собственной смерти. Ибрагимов А.Р. это отношение называет эпическим фатализмом [8, с.120].

Несеб (Несими) еще в младенческом возрасте о предзнаменовании своей дальнейшей судьбы говорит Эмиру – сыну спасшего его рыбака. Предвидение собственной гибели, ясно выражено в поэме так:

*Как-то мальчики играли вечернею порой.
Говорит Несеб Эмиру: “Слушай, братец мой,*

*В граде Багдаде ханом ты будешь,
Грозным, суровым султаном ты будешь.*

*Ты меня тогда повесишь, ты меня тогда убьешь,
Кожу ты сдерешь с живого и соломою набьешь.*

*На воротах городских вздернешь ты меня,
И висеть оставишь там три ночи и три дня” [3, с.117].*

И в другом месте поэмы, когда святой человек отдал ему красное яблоко, очищенное от кожуры, он сказал товарищам:

*“...Будет повешен яблоко взявший.
Жизнь потеряет жертвою ставши.*

*Яблоко без кожуры святой мне отдал.
Этим он мою судьбу мне и разъяснял.*

*Не с мертвого, а с живого кожу с меня сдерут,
И на виду у народа соломой ее набьют” [3, с.133].*

Дальнейшие события, которые описывает автор поэмы, показывают, что предсказание Несими о причине и обстоятельствах его смерти совпадают с удивительной точностью. Так, выросший Несими, уходит в народ, обходит горы и долины. По истечении времени правитель страны умирает, и птица счастья садится на голову Эмира, который возвращается с вязанкой дров. Таким образом, Эмир становится правителем страны. Наими прибывает в Халеп. Там он, чинивших ему много препятствий мулл и муфтиев он называет двуликими. На поступки Несими муллы и муфтии отправляют шаху жалобы. По их настойчивым требованиям шах приказывает повесить его на воротах. Несими висел семь дней и семь ночей, однако он не умер, несмотря на муки. Тогда муллы и муфтии стали требовать у шаха Эмира, чтобы тот приказал его умертвить, содрать кожу и набить соломой. Палачи по приказу Эмира так и поступают:

*Набили кожу соломой, и всем в обозренье
Повесили на воротах, неверным в поученье [3, с.137].*

Мимо места, где был повешен Несими, проезжал и хан Эмир, но не узнал брата и не вспомнил то, что ему было сказано когда-то братом. Отправляясь в обратный путь, он проезжал мимо ворот. Посмотрев на повешенного, узнал брата. Тогда Несими напомнил ему:

*“...Выслушай меня, брат мой, как когда-то.
Верность где твоя обету, что тобою был мне дан,
Ты же нынче повелитель, ты же хан.
На виду всех людей меня казня,
Знать ты же должен был, мой брат, что это я” [3, с.138].*

Вернувшийся на свой трон, хан Эмир приказал бекам и слугам, чтобы сняли висельника и с почестью похоронили.

Как видно, поэма Андалиба содержит в себе элементы реально-исторического развития и вместе с тем в ней еще в большей степени явственно перемежаются мифологические и легендарные элементы. С последних, безусловно, идет разработка поэтом центральных эпизодов поэмы. Эти мотивы с мифологическим и легендарным оттенком, которые в свете эпической биографии героя служат для идеализации героя.

На этой статье мы постарались указать генезис мотива “подкидыш ребёнка”, то есть подкидыша младенца – Несими в поэме Андалиба. По мере возможности, нам удалось найти типологическую параллель указанных мотивов и представить генетические истоки и ближайшие аналоги, к которым, по нашему мнению, Андалиб мог бы обращаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аширов Аннагурбан. Туркменские поэмы XVIII века. Под редакцией д.ф.н. Х.Г.Короглы. Ашхабад, «Ылым», 1990.
2. Аширов Аннагурбан. Поэт с дестаном на устах // Нурмухаммет Андалиб. Стихотворения и поэмы. Ашхабад, Туркменская государственная издательская служба, 2011.
3. Нурмухаммет Андалиб. Сказание о Несими. Перевод Х.Какалиева и О.Чарыева // Стихотворения и поэмы. Ашхабад, Туркменская государственная издательская служба, 2011.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. В двух томах. 2-ой том. Главный редактор С.А.Токарев. Москва, «Советская Энциклопедия», 1988.
5. Мифологический словарь. Главный редактор Е.М.Мелетинский. Москва, «Советская Энциклопедия», 1990.
6. Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии. Пер. с аккад. и коммент. В.К.Афанасьевой, И.М.Дьяконова, И.С.Клочкова, В.Якобсона. Москва, «Алетейя», 2000.
7. Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. Москва, «Наука», 1974.
8. Ибрагимов А.Р. Образ Карны в Махабхарате. Разыскания о трагическом герое индийского эпоса. Москва, «Спорт и культура – 2000», 2009.
9. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав. История расселения. Москва, «Наука», 1971.
10. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Том 3. СПб., 1893.
11. Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // «Живая старина», 1916, т. XXV, Вып. II-III, Петроград, 1917.
12. Сказание о Чингисхане // Тамерлан. Автобиография. Уложение. Перевод с джугатайского и тюркского В.А.Панова. Москва, «Эксмо», 2005.
13. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград, «Наука», 1971.
14. Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки. Москва, ОГИ, 2004.
15. Пропп В.Я. Морфология сказки. Издание 2-е. Москва, Изд-во восточной литературы, 1969.

**TÜRKMƏN ŞAİRİ NURMÜHƏMMƏD ƏNDƏLİBİN
“RİSALEYİ-NƏSİMİ” POEMASINDA “ATILMIŞ KÖRPƏ”
MİFOLOJİ MOTİVİ**

XÜLASƏ

Görkəmli türkmen şairi Nurmühəmməd Əndəlibin (1660-1740) yaradıcılığı çox rəngarəngdir. “Risaleyi-Nəsimi” poeması şairin yaradıcılığında xüsusi mərhələdir. Şair bu əsərində tarixi hadisələrlə yanaşı, mifoloji-folklor elementlərindən də məharətlə istifadə etmişdir.

Bu məqalədə şairin “Risaleyi-Nəsimi” poemasının əvvəlində istifadə etdiyi Beynəlxalq mifoloji motiv araşdırılır.

**THE MYTHOLOGICAL MOTIF OF “ABANDONED BABY”
IN THE POEM “RISALEYI-NASIMI” BY TURKMEN POET,
NURMUHAMMAD ANDALIB**

SUMMARY

The activities of Nurmuhammad Andalib, the famous Turkmen poet (1660-1740) is very variegated. “Risaleyi-Nasimi” poem is the special stage in the activities of the poet. In addition to the historical events, the poet took advantage of the elements of mythological folklore in this work.

In this article is investigated the international mythological motives used in the beginning of the poem “Risaleyi-Nasimi” by poet.